

гория, время создания памятника. Автор Жития был уроженцем Константинополя, имел около Редестоса проастиий, в котором работали мистики. Он познакомился со святым в годы правления Романа I Лакапина (939/940 г.) и написал Житие сразу же после его смерти в 944 г. — сперва в виде наброска, а в 955/956 г., после переработки материала, привел его в тот вид, в котором оно дошло до нас.

Во второй части книги автор говорит об «источниках» Жития, к которым относит жития ряда «юридических во Христе» (Симеона, Андрея), а также подвизавшихся в Египте в первые века христиан-

ства святых и аскетов, «Видение» монаха Козмы, Житие Исаака, Священное писание и апокрифы.

Третья часть книги Х. Ангелиди посвящена содержащимся в Житии историческим сведениям: об императорских семьях Македонян и Лакапинов, мятеже Константина Дуки (913 г.), патриархе Николае, походе русских (941 г.), нападении венгров (943 г.).

Книга имеет приложение, посвященное «Видениям» в Житии св. Василия, подробный список источников и литературы.

Р. М. Бартиякян

Ἁ. Καρπύζης. Συμβολή στὴ μελέτῃ τοῦ βίου καὶ τοῦ ἔργου τοῦ Ἰωάννη Μавροπόδου. Ἰωάννινα, 1979. 274 σ.*

Книга профессора Янинского университета Апостолоса Карпозилоса посвящена изучению жизни и литературного наследия византийского писателя XI в. Иоанна Мавропода. Автор хорошо известен византиноведом рядом интересных статей, а также монографией о церковной полемике между Никейской империей и Эпирским княжеством в 1217—1233 гг.¹

Монография об Иоанне Мавропode состоит из краткого предисловия и двух больших частей. В «Предисловии» автор говорит о необходимости систематического изучения жизни и творчества Мавропода, поскольку посвященные ему труды, изданные до второй мировой войны, не могли учитывать ряд новых публикаций источников. Карпозилос по достоинству оценивает работы Я. Н. Любарского, посвященные переписке Пселла с Мавроподом. «Если они и не исчерпывающие, — пишет автор, — тем не менее указывают то верное направление, по которому должны проводиться исследования, чтобы с точностью восстановить биографию византийского ученого».

Первая часть книги посвящена биографии Иоанна Мавропода и состоит из пяти параграфов: § 1. Происхождение и образование. Мавропод родился в конце X или начале XI в. в Пафлагонии в незнатной семье; обосновался в Константинополе (дата неизвестна), где получил образование. § 2. Преподавательская деятельность. Когда его между 1028—1034 гг. впервые встретил Пселл, Мавропод был уже признанным учителем, он имел частную школу. В числе его учеников был и Михаил Пселл, изучавший у него философию и риторику. В 30-е годы XI в. Мавропод решил, не прекращая преподавательскую деятельность, стать монахом. § 3. Советник Константина IX. Карпозилос отвергает мнение о том, что Мавропод получил должность хартофилакса. Он впервые появляется в императорском дворце в 1043 г., хотя

до этого имел связи с окружением Михаила IV (1034—1041). Мавропод сыграл важную роль в качестве советника, энкомиаста и выразителя политики Константина IX, § 4. Митрополит Евхайтов. Карпозилос считает бесспорным, что Мавропод стал митрополитом Евхайтов против своей воли, после того как он и его друзья попали в немилость между 1048—1050 гг. Немногом позже он получил титул протосинкелла и на короткое время благодаря усилиям Пселла вернулся в Константинополь в последние годы правления Мономаха. § 5. Пребывание Мавропода в монастыре Иоанна Предтечи Петры. Мавропод, отказавшись от митрополии Евхайтов, вернулся в Константинополь, в монастырь Иоанна Предтечи, где провел последние годы своей жизни; в этом монастыре он написал церковные гимны, которые сделали его известным в гимнографии православной церкви. Умер Мавропод в первые годы правления Алексея I Комнина.

Вторая, самая пространная часть книги Карпозилоса посвящена литературному наследию Мавропода. Она состоит из трех глав, которые разделены на ряд параграфов. Первая глава посвящена эпитаграммам Мавропода, их рукописной традиции, изданиям, содержанию и тематическому порядку. Здесь же автор книги пишет о влиянии на Мавропода античных писателей: Гомера, Пиндара, Платона, Еврипида, Плутарха.

Вторая глава второй части книги посвящена 77 письмам Мавропода. Они не носят имен адресатов, которые, по предположению Карпозилоса, вычеркнуты самими Мавроподом, ибо автор хотел ввести их в оборот в качестве литературных текстов. Далее говорится о содержащих эти письма рукописях. Здесь Карпозилос изучает подлинность письма № 162 и приходит к выводу о его принадлежности Мавроподу. Автор книги останавливается на порядке писем Мавропода в Vat. gr. 676, считая его не случайным, а имеющим хронологическую последовательность, хотя и находит, что отдельные письма сгруппированы тематически или по адресатам. Далее говорится об адресатах Мавропода (Михаил Пселл, Иоанн Ксифилин, Константин Мономах, Михаил Кирюларий, фемные судьи —

* См. также выше рецензию Я. Н. Любарского (с. 262—264).

¹ *Karpouzos A. The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epirus (1217—1233). — Βυζαντινά Κείμενα καὶ Μελέται, 1973, 7.*

сборщики налогов и др.), манере автора писем (лаконичность, ясность).

Третья глава посвящена речам Мавропода, произнесенным им как в Константинополе, так и в Евхаитах; здесь говорится о списках речей, о других приписываемых Иоанну Мавроподу текстах, как, например, Житие св. Вары (V в.), ктитора монастыря св. Иоанна Предтечи

Петры. Говоря о Мавропode как риторе, Карпозилос считает, что он более близок к Исократу, чем Григорию Назианзину.

В конце каждой главы книги имеются подробные комментарии, список содержащих труды Мавропода рукописей, перечень источников и литературы, а также указатель.

Р. Б.

C. N a u e r t h. *Koptische Textilkunst im spätantiken Ägypten: Die Sammlung Rautenstrauch im Städtischen Museum Simeonstift Trier.* Trier, 1978. 98 S., 62 Taf.

Симеоновский фонд при Городском музее в Трире включает в себя интересные памятники коптского искусства и ремесла: каменную и деревянную скульптуру, керамику, изделия из металла, ткани. Собрание коптских тканей Трирского музея сформировалось благодаря поступлениям вещей из городских музеев Дюссельдорфа и Кrefельда, но основная часть происходит из собрания уроженца Трира мецената Вильгельма Раутенштрауха. Ценность собрания Раутенштрауха заключается в том, что все памятники происходят из одного центра — некрополя Ахмима (древнего Панополиса) в Верхнем Египте. Ткани из этого захоронения попали в руки аахенского каноника Франца Бока, часть этих тканей за 7 тыс. марок приобрел у Бока Раутенштраух и в 1897 г. подарил родному городу.

Ткани, принадлежавшие Раутенштрауху, хранились в музее с момента его основания (1901 г.). До последнего времени эта интересная коллекция оставалась (за исключением отдельных образцов) почти неизвестной. Первое упоминание о ней относится к 1903 г. В 1930-е гг. ткани проходили реставрацию в музее Дюссельдорфа. В 1950 г. часть вещей была выставлена на временной выставке, в 1974 г. эту экспозицию расширили. В 1975 г. лучшие вещи трирского собрания экспонировались в музее Рурской области в Эссене. Отдельные экземпляры выставлялись на Международных выставках коптского искусства в Эссене, Цюрихе, Вене, Париже (1960-е годы).

Научная обработка Симеоновского фонда Трирского городского музея принадлежит сотруднице Института христианской археологии в Гейдельберге Клаудиа Науэрт. Ее исследование включает 107 номеров тканей, выставленных в музее, и две туники из запасников музея (который насчитывает более ста фрагментов тканей худшей сохранности и не столь интересных в художественном и историческом отношении). Половина вещей воспроизведена (62 черно-белых таблицы и одна цветная).

Работа построена довольно оригинально. Помимо традиционных в такого рода изданиях частей, посвященных сведениям о формировании собрания (с. 7), чисто каталожных данных (с. 22—76), литературе вопроса (с. 87—89, более семидесяти названий, в том числе и четыре работы на русском языке, правда, без указания на язык оригинала¹),

примечаний (с. 90—98, 113 номеров), она включает ряд эссе, знакомящих читателей и посетителей музея с коптским искусством и историей (с. 11—14, автор — Д. Аренс), с особенностями ткацкого ремесла (с. 15—17, автор — У. Кирхер), с употреблявшимися ткачами красителями (с. 20, автор — С. Люис); любопытен и, по-видимому, плодотворен метод сравнительных линейных соотношений композиций на коптских тканях и рельефах, предложенный Д. Аренсом (с. 79—86, табл. III, IV₁, 3). К. Науэрт принадлежат части, посвященные текстильному производству в античности (с. 18—19), одежде и моде поздней античности и высказываниям по этим вопросам позднеантичных и раннехристианских деятелей (с. 77—78), прославленному медальону (кат. № 56, с. 24—28, рис. 38—43 и цветная таблица) и полосе (кат. № 55, с. 28—31, рис. 44—46) с эпизодами истории патриарха Иосифа.

Для большей наглядности многие описания сопровождаются схематическими рисунками тканых изделий с выделением на них публикуемых фрагментов.

К исследованию приложены карта Египта с указанием основных художественных центров (с. 10) и схема характерных расположений украшений на тканях (с. 21).

Самая большая часть исследования Науэрт отведена двум памятникам с эпизодами истории Иосифа (с. 24—31). Тщательно проведены иконографический анализ этих вещей, сопоставление их с аналогичными произведениями тканого искусства других собраний. Однако исследовательницей использованы далеко не все памятники с подобными изображениями², которых, по нашим подсчетам, насчитывается более пятидесяти. Вызывает возражение датировка этих фрагментов VI—VII вв. При том, что вопросы датировки коптских тканей до сих пор довольно неопределенны и в большинстве

ткани коптского Египта» (М.; Л., 1951), посвященный ранним тканям эрмитажного собрания.

² Коптскими тканями с эпизодами истории патриарха Иосифа плодотворно занимается сотрудник Думбартон Окс Г. Уикен, посвятивший им диссертацию (*Joseph Iconography on Coptic Textiles*). См. также: *Каковкин А. Я.* Эпизоды «истории Иосифа» на коптских тканях Эрмитажа. — *Кавказ и Византия*, 1980, 2, с. 116—142.

¹ Жаль, что не учтен труд М. Э. Матве и К. С. Ляпуновой «Художественные